

О ПРИВОЛЖСКИХЪ ИНОРОДЦАХЪ

и

современномъ значеніи системы Н. И. Ильминскаго.

Докладъ С. В. ЧИЧЕРИНОЙ,

читанный въ Общемъ Собраніи Общества Востоковѣдѣнія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Товарищество п. ф. „Электро-Типографія Н. Я. Стойковой“, Знаменская, 27—21.

1906.

О ПРИВОЛЖСКИХЪ ИНОРОДЦАХЪ

И

современномъ значеніи системы Н. И. Ильминскаго.

Докладъ С. В. ЧИЧЕРИНОЙ,

читанный въ Общемъ Собраніи Общества Востоковѣдѣнія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Товарищество п. ф. „Электро-Типографія Н. Я. Стойковой“. Знаменская, 27—21.
1906.

О приволжскихъ инородцахъ и современномъ значеніи системы Ильминскаго.

Вопросъ о просвѣщеніи нашихъ окраинъ издавна являлся большимъ мѣстомъ русской политики.

Въ Восточной и Юго-Восточной Россіи инородцевъ проживаетъ около 24 милліоновъ.

Вотъ по переписи 1897-го года цифровыя данныя объ этихъ инородческихъ племенахъ:

1. Киргизъ вмѣстѣ съ каракиргизами, каракалпаками, тюрками, таранчами	4,886,946.	}
2. Татаръ	3,737,627.	
3. Среднеазиатскихъ инородцевъ:		
а) узбековъ	726,534.	
б) сартовъ	968,655.	
в) туркменовъ	281,357.	
А всего		
	1,976,546.	
4. Башкиръ	1,439,136.	
5. Грузинъ, имеретинцевъ, мингрельцевъ	1,336,448.	
6. Армянъ	1,173,096.	
7. Мордвы	1,023,841.	
8. Чувашъ	843,755.	
9. Чеченцевъ, аваровъ, даргинцевъ, кюринцевъ, казакумовъ	819,576.	
10. Калмыковъ и бурятъ	479,311.	}
11. Татовъ и таджитовъ	445,453.	
12. Вотяковъ	420,970.	
13. Черемисъ	375,439.	
14. Финновъ и кореловъ	351,169.	
15. Курдовъ и осетинъ	271,665.	
16. Зырянъ и пермяковъ	258,309.	
17. Якутовъ	227,384.	}
18. Тюрковъ	208,822.	

19. Кабардинцевъ и абхазцевъ	170,672.
20. Кумыковъ и ногайцевъ	147,488.
21. Тунгузовъ	66,270.

Всего въ Россіи . . . 20,659,923 *).

Но такъ какъ съ 1897 года населеніе Россіи возросло на 15%, то нынѣшнее число восточныхъ и юго-восточныхъ инородцевъ должно превосходить 24 мил. Эти инородческія племена частью находятся въ тѣснѣйшихъ родственныхъ, торговыхъ и бытовыхъ отношеніяхъ съ племенами, обитающими въ Китаѣ, Афганистанѣ, Персіи и Турціи. Отсюда понятно, что то или иное отношеніе ихъ къ Россіи можетъ имѣть серьезное значеніе для всего русскаго государства.

Что же было сдѣлано, чтобъ сблизить съ русскимъ народомъ хотя бы инородческія племена, населяющія Приволжскій край?

„Всѣ инородцы населяющіе восточную часть Европейской Россіи и всю Сибирь“, пишетъ Ильминскій въ 1863 году, „относятся къ одному этнографическому семейству, котораго древняя вѣра была шаманство, и доселѣ существующее въ захолустьяхъ Сибири. Шаманство признаетъ единаго верховнаго Бога, обитающаго на небѣ, и множество подчиненныхъ божествъ, попеченію которыхъ поручены разныя на землѣ мѣстности и урочища и даже различныя статьи хозяйства. Ихъ благодѣтельному дѣйствію противостоитъ враждебное черное существо, которое старается дѣлать зло человѣку. Человѣкъ поставленъ въ полную зависимость отъ этихъ могучихъ существъ, и потому старается умилостивлять ихъ жертвами и заклинаніями, по указанію шамановъ. Христіанство, по взгляду шаманствующихъ инородцевъ, есть русская вѣра; священникъ тотъ же шаманъ; молитвы тѣ же шаманскія заклинанія. По этому шаманствующіе инородцы не отрицаютъ христіанства, а только признаютъ его вѣрой не своей, а русской, почему вопросъ объ обращеніи ограничивается для нихъ перемѣной народности и только въ смыслѣ обрядовомъ. Точно также шаманство относится къ исламизму какъ къ „вѣрѣ татарской“ *).

*) Изъ изданія „Краткія общія свѣдѣнія по Имперіи. Распредѣленіе населенія обоого пола по главнѣйшимъ сословіямъ, вѣроисповѣданіямъ, родному языку и нѣкоторымъ занятіямъ“, подъ редакціей Н. А. Тройницкаго, 1905 г.

*) Казанская Центральная Крещено-Татарская школа. Казань. 1887, стр. 3, 4.

Исламъ, проникшій первоначально въ IX вѣкѣ на территорію нынѣшней Казанской губерніи въ существовавшее тогда Болгарское царство, былъ сильно ослабленъ или почти уничтоженъ нашествіемъ монголовъ язычниковъ.

Затѣмъ исламъ вновь появляется въ Волжскомъ краѣ, какъ религія хана Золотой Орды.

Но несомнѣнно, что магометанское наслоеніе было самымъ поверхностнымъ. Масса народа только считалась магометанской, жила же языческой вѣрой. Эта старинная татарская языческая вѣра, несомнѣнно, лежала въ основѣ міросозерцанія и быта татаръ въ періодъ ихъ подчиненія Россіи.

Крещеніе татаръ началось въ концѣ XVI вѣка, послѣ покоренія Казанскаго царства.

Казанскій архіепископъ и его сподвижники начинаютъ распространять христіанство среди язычествующихъ инородцевъ, и крещенные ими татары извѣстны впослѣдствіи подъ именемъ „старокрещенныхъ“. Но, послѣ смерти этихъ первыхъ христіанскихъ просвѣтителей, крещенные инородцы были предоставлены самимъ себѣ и остались безъ всякаго духовнаго руководства. Они еще не успѣли утвердиться въ новой для нихъ вѣрѣ: церквей было мало, русскіе священники не понимали языка своихъ прихожанъ и совершали богослуженіе на непонятномъ для нихъ языкѣ, школъ и переводовъ молитвъ на инородческіе языки не было ни въ 16, ни въ 17 вѣкахъ. Вслѣдствіе этого, старокрещенные татары, хотя и назывались христіанами, но на самомъ дѣлѣ оставались совершенными язычниками. Православіе только отдѣлило ихъ и какъ бы прикрыло съ самаго начала отъ ислама. Поэтому по крещенымъ татарамъ, каковыми они были въ 16 вѣкѣ и сохранились до половины 19 вѣка, и можно, до нѣкоторой степени, судить о томъ, каковыми были татары-магометане и другіе инородцы во время присоединенія Казани.

Въ 18 вѣкѣ правительство снова усердно принялось за крещеніе инородцевъ, но для этого дѣла не было достаточно подготовленныхъ людей. Не умѣя воздѣйствовать на народъ путемъ проповѣди, инородцевъ привлекали матеріальными выгодами, напр. освобожденіемъ отъ податей, которыя снимались съ новокрещенныхъ и перекладывались на язычниковъ. Рядомъ съ этимъ давали и другія льготы.

Количественно достигнуты были значительные результаты: огромное число инородцевъ приняло православіе. Къ сожалѣнію, нельзя не отмѣтить, что иногда инородцы привлекались къ православію не только льготами, но и карательными мѣрами.

✓ Въ брошюркѣ священника Прокопьева „Къ исторіи просвѣщенія инородцевъ Казанскаго края въ 18 вѣкѣ“, мы находимъ слѣдующія данныя:

„Рядъ мѣръ для обращенія инородцевъ въ христіанство начинается въ XVII вѣкѣ. 71 статья, XX гл. Уложенія, ино- вѣрцамъ, живущимъ по купчимъ у иноземцевъ разныхъ вѣрѣ, въ случаѣ принятія христіанства, предоставлено право выхода изъ крѣпостной зависимости, по уплатѣ 15 р. выкупа съ чело- вѣка.....

Съ началомъ XVIII в. защитниками интересовъ новообра- щенныхъ инородцевъ являются представители церкви. По ихъ просьбамъ не только были подтверждены правительствомъ прежнія льготы, но даровано много новыхъ льготъ. Благодаря этому, число обращающихся въ христіанство быстро увеличи- вается. Но до учрежденія Новокрещенской Конторы число обра- щающихся въ христіанство инородцевъ было все-таки сравни- тельно не велико.

Съ учрежденіемъ Новокрещенской Конторы не только были подтверждены правительствомъ прежнія льготы, но при- бавлены еще и новыя. При учрежденіи же миссіи указомъ отъ 11-го сентября 1740 г. повелѣно было: съ новокрещенныхъ не спрашивать въ теченіе 3-хъ лѣтъ подушныхъ денегъ и другихъ поборовъ, а взыскивать оныя вмѣсто ихъ съ оставшихся въ тѣхъ мѣстахъ некрещеныхъ инородцевъ, освобождать новокре- щенныхъ отъ работы на казенныхъ заводахъ, не спрашивать съ нихъ ни рекрутовъ, ни денегъ въ рекрутскія складки. Прихо- дящимъ ко крещенію, „въ награжденіе за воспріятіе свящ. кре- щенія“, положено давать каждому по кресту мѣдному, вѣсомъ по пяти золотниковъ, да по одной рубахѣ съ порты и по сер- мяжному кафтану, съ шапкой и рукавицами и т. д. Сверхъ того каждый новокрещенный одѣлялся деньгами Такъ какъ инородцы стали креститься массами и вслѣдствіе этого невоз- можно стало взыскивать подати и другіе сборы только съ остав- шихся въ тѣхъ мѣстахъ некрещеныхъ, то, по представленію Дмитрія Сѣченова, Синодъ, согласно съ Сенатомъ, опредѣлилъ: за новокрещеныхъ всякія подати и сборы править съ некре- щеныхъ не съ однихъ только тѣхъ, въ коихъ уѣздахъ будутъ воспріавшіе вѣру православную, но по всей Казанской губерніи, на оныхъ остающихся въ невѣрїи раскладывая взыскивать Поэтому часто случалось, что ино- вѣрцы изъявляли желаніе креститься и не видавъ миссіонеровъ и не слыхавъ ихъ проповѣди, узнавши только отъ свѣтскихъ людей о привиле-

тіяхъ, предоставленныхъ новокрещенымъ. Такъ, совѣтникъ Ярцовъ въ Шацкой и Тамбовской провинціи въ 9 мѣсяцевъ обратилъ ко Христу 10.000 иновѣрцевъ. Бывали нерѣдко и такіе случаи, когда инородцы изъ желанія воспользоваться лишній разъ подарками крестились по два и по три раза. А вотъ еще одно свидѣтельство. Въ 1802 г. въ Нижегородской губ. начались масовыя отпаденія крещеныхъ татаръ. Васильскому земскому исправнику было поручено собрать свѣдѣнія, давно-ли и по какимъ побужденіямъ приняли означенные татары крещеніе. Татары деревни Ишеевой дали ему слѣдующую сказку:

№№.	Наименованіе новокрещенныхъ татаръ.	Лѣта. М. Ж.	Давно-ли и по какимъ случаямъ приняли они христіанскую вѣру?
1	Степанъ Афанасьевъ Жена его Агафья Иванова У нихъ дѣти: Анна Неонила	70 — — 50 — 14 — 13	Онаго Афанасьева крещень отецъ Афанасій, по крестномъ отцѣ Емельяновъ, для трехлѣтней льготы отъ всѣхъ податей.
2	Павелъ Петровъ Жена его Акинья Андреева	— — — 80	Онъ крещень назадъ тому лѣтъ восемь во избѣжаніе тѣлеснаго наказанія за кражу лошадей.
3	Вдова Наталья Афанасьева У нея дочери: Анисья Татьяна	— 40 — 40 — 14	Показанной вдовы и нижеписаннаго брата Ивана крещ. отецъ Афанасій Емельяновъ для трехлѣтней льготы отъ платежа крестьянскихъ податей.
4	Иванъ Афанасьевъ У него жена Настасья Иванова У нихъ дѣти: Федоръ У него жена Наталья Васильева Естафій Трофимъ Устинья Акинья	13 — — 50 40 — — 23 28 — 12 — — 10 — 20	

№№	Наименованіе новокрещенныхъ татарь.	Лѣта М. Ж.	Давно-ли и по какимъ случаямъ приняли они христіанскую вѣру?
5	Якимъ Ивановъ, холостъ	60 —	Оный крещенъ назадъ тому лѣтъ 20 во избѣжаніе тѣлеснаго наказанія за кражу изъ амбара разнаго имущества.
6	Семень Ивановъ У него жена Марфа Андреева У нихъ дѣти: Николай Василій Николай Дарья Авдотья Ирина	50 — — 45 17 — 15 — 4 — — 20 — 10 — 8	Оный крестился по желанію своему въ совершенномъ возрастѣ назадъ тому лѣтъ 25, по случаю взятыя себѣ въ жену солдатки, во избѣжаніе обращенія ея, по ихъ магометанскому закону, къ первому мужу во время изъ службы его отставки.
7	Флегонтъ Михайловъ, холостъ	45 —	Оный крещенъ назадъ тому лѣтъ 7 во избѣжаніе наказанія за кражу лошадей.
8	Андрей Ивановъ У него жена Марья Ивановна	60 — — 45	Оный крещенъ назадъ тому лѣтъ 30 во избѣжаніе отъ рекрутской очереди *)

Послѣдствіемъ всего этого было чисто внѣшнее принятіе христіанства, и эти „новокрещенные“ татары стали постепенно отпадать въ исламъ. Въ настоящее время отпало большинство новокрещенныхъ.

Кромѣ такихъ неумѣлыхъ миссіонерскихъ приемовъ, дѣлались и неумѣлыя попытки просвѣщенія инородцевъ посредствомъ школъ.

Въ 18 вѣкѣ для всего инородческаго населенія, живущаго въ Приволжскихъ губерніяхъ, имѣлась только одна школа въ Казани, а въ деревняхъ не было ни одной; поэтому и грамотныхъ инородцевъ почти совсѣмъ не было. Въ 20-хъ годахъ 19-го вѣка даже эта единственная Казанская школа, такъ называемая „новокрещенская“, была закрыта по недостатку средствъ.

*) Къ исторіи просвѣщенія инородцевъ Казанскаго края въ XVIII вѣкѣ. Симбирскъ. 1905 г.

Въ 40-хъ годахъ 19 вѣка среди инородцевъ стали открываться удѣльныя и волостныя школы, но такъ какъ преподаваніе въ нихъ шло на русскомъ языкѣ, котораго инородцы не понимали, то населеніе относилось къ этимъ школамъ весьма недружелюбно, тѣмъ болѣе, что оканчивающіе въ нихъ курсъ ученики отторгались отъ своей среды, уходили большею частію въ писаря, и научались брать взятки, пьянствовать и притѣснять своихъ же сородичей. Менѣе же способные ученики, проучившись въ школѣ нѣсколько лѣтъ надъ усвоеніемъ непонятной науки на непонятномъ языкѣ, часто исключались изъ школы по урослости, не окончивъ курса, или, въ лучшемъ случаѣ, лишь вытвердивъ наизусть нѣсколько молитвъ и разказовъ изъ священной исторіи.

„Я изъ за Закона Божія цѣлый годъ простоялъ у притолки“ говорилъ мнѣ одинъ священникъ чувашинъ на мой вопросъ о его ученіи въ русской школѣ.

Всѣ вышеизложенныя правительственныя мѣропріятія, конечно, не могли имѣть никакого вліянія на духовное развитіе инородцевъ; поэтому вліяніе ислама въ Волжскомъ краѣ, начиная съ 16-го вѣка, все усиливалось. Сначала это усиленіе совершалось медленно, путемъ личнаго воздѣйствія отдѣльныхъ магометанъ, совершившихъ путешествіе въ Мекку и набравшихся тамъ, или въ Константинополь, или Бухарь, магометанской мудрости и святости.

Въ концѣ 18-го вѣка, въ царствованіе Екатерины II, правительство само содѣйствовало этому укрѣпленію магометанства. Въ 1788 году Екатерина II учредила Уфимское муфтійство, которое дало магометанскому духовенству крѣпкую организацію и объединило весь Приволжскій мусульманскій міръ. Рядомъ съ этимъ въ Казани неоднократно печатались Коранъ и другія мусульманскія вѣроучительныя книги на правительственныя средства. Около 1785 г. правительство насильно вводитъ Исламъ въ киргизскую степь, гдѣ онъ дотолѣ существовалъ лишь по имени. На казенный счетъ строятся тамъ мечети, Казанскіе и Уфимскіе татары посылаются муллами въ киргизскія мечети и учителями въ киргизскія школы. Въ нѣкоторыхъ частяхъ степи, напр. въ области Семирѣченской, въ Букеевской ордѣ, въ Петропавловскѣ, казаки нагайками загоняли въ мечети киргизъ. Но и донинѣ мусульманство въ Киргизской Степи не вездѣ укоренилось. Есть такія мѣстности, гдѣ киргизы рѣдко видятъ татаръ, незнакомы съ исламомъ и не имѣютъ мечетей.

Однако въ Приволжскихъ губерніяхъ исламъ утверждался все прочнѣе. Постепенно стала создаваться и мусульманская печать, которая является новой объединяющей силой.

Повышеніе образовательнаго уровня муллъ обусловливало и повышеніе строя конфессіональныхъ мусульманскихъ школъ медресъ и мектебъ. Эти школы были близки къ народу, потому что преподаваніе въ нихъ велось на родномъ языкѣ учащихся.

Число школъ, размноженію которыхъ способствуетъ ихъ чрезвычайная дешевизна, растетъ съ поразительной быстротой, оставляя далеко за собой школы русскія.

Сами руководители этихъ школъ—муллы были близки къ народу и умѣли на него вліять.

Въ „Дневникѣ старокрещенаго татарина“, напечатанномъ въ Православномъ Обзорѣніи за 1864 и 1866 годы, переданъ слѣдующій разсказъ.

Собрались крещеные татары въ избѣ и разсуждаютъ: „поневолю нѣкоторые изъ насъ стали жить по-татарски, что они всегда слышатъ отъ татаръ доброе назидательное слово; мы ходимъ къ татарамъ и слышимъ и видимъ, что у нихъ мулла постоянно съ ними вмѣстѣ въ артели обѣдаетъ, и тутъ передъ нимъ сидятъ татары чинно и слушаютъ его ученіе; а онъ все говоритъ имъ о книжномъ словѣ. А наши попы не любятъ сидѣть съ нами. Хотя случится когда имъ обѣдать у насъ, и тогда даже сидѣть нельзя, а стой, торчи на ногахъ; иначе за непочтеніе считаютъ и начинаютъ бранить. И такъ вѣкъ проходитъ, что отъ нихъ назидательнаго не услышишь. Положимъ, иные священники не знаютъ по татарски, а которые знаютъ, тѣмъ бы надо при случаѣ говорить намъ о вѣрѣ на нашемъ языкѣ“.

Старо-крещеный татаринъ, авторъ этого дневника, разсказываетъ въ другомъ мѣстѣ, какъ онъ зашелъ къ русскому старику—священнику. „Онъ, кажется, изъ неученыхъ, уроженецъ того же села и, живя отъ роду своего между татарами, говоритъ по-татарски отлично. Въ его домѣ помѣщается сельская школа. Но, когда онъ узналъ, что я крещеный, сказалъ: „я крещеныхъ какъ собакъ не люблю“ и ушелъ отъ меня“.

Подъ вліяніемъ всѣхъ выше перечисленныхъ условій мусульманское религіозное самосознаніе развивалось все больше и больше, и сильный мусульманскій міръ сталъ невольно втягивать въ себя шаткія въ своихъ вѣрованіяхъ племена крещеныхъ и язычествующихъ инородцевъ.

Старанія русскаго духовенства и русской администраціи противодѣйствовать этому сліянію не удерживало крещеныхъ ино-

родцевъ отъ отпаденій въ исламъ, но возбуждало мусульманъ. Въ муллахъ стало развиваться воинствующее направленіе, а близость ихъ къ народу способствовала распространенію такого настроенія и въ народной массѣ, посредствомъ религіознаго строя школъ.

Уже въ 18 столѣтіи начинаются массовыя отпаденія крещеныхъ язычествующихъ инородцевъ въ исламъ и повторяются на всемъ протяженіи 19 вѣка. Инородцы, къ какому племени они бы не принадлежали, называютъ это „перейти въ татары“, потому что отпавшіе принимаютъ чисто татарскій обликъ въ жизни, обычаяхъ, наружности; совершенно сливаются съ татарами и забываютъ о своемъ происхожденіи.

Причина отпаденій крещеныхъ инородцевъ въ исламъ вполне понятна. Съ одной стороны на нихъ вліяла хорошо организованная мусульманская пропаганда, съ другой—русское духовенство относилось къ нимъ вполне равнодушно, а непонятное богослуженіе не могло на нихъ оказывать никакого вліянія.

Въ концѣ 18 столѣтія Казанскій архіепископъ Амвросій свидѣтельствуемъ, что „инородческія племена чувашъ и черемисъ не имѣютъ и малаго понятія объ истинахъ вѣры, къ которой приведены св. крещеніемъ“.

Съ 19 вѣка начались массовыя отпаденія крещеныхъ въ исламъ и въ началѣ каждаго новаго царствованія подается на ВЫСОЧАЙШЕЕ имя масса прошеній о дозволеніи перейти въ магометанство. Когда прошенія были отправляемы въ Петербургъ, инородцы, имѣя въ рукахъ квитанцію отъ почтовой конторы, объявляли приходскому духовенству, что они болѣе не христіане.

Порядокъ дѣлопроизводства объ отступникахъ приблизительно таковъ: объ уклоняющихся въ мусульманство приходскій священникъ сообщаетъ консисторіи; она, по разсмотрѣніи дѣла, опредѣляетъ: 1) объявить мѣстной полиціи, 2) возвратить дѣло обратно съ предписаніемъ увѣщавать. Дѣло, обыкновенно, кончалось появленіемъ становыхъ, исправниковъ, иногда и губернаторовъ и ссылкой отщепенцевъ въ Сибирь.

Эти постоянно повторяющіяся отпаденія побудили, наконецъ, правительство взяться за духовное оружіе, и оно стало озабочиваться изданіемъ переводовъ священныхъ книгъ на разныя инородческіе языки.

Первые переводы восходятъ къ 17 столѣтію и началу 19-го; но до 60-хъ годовъ этого столѣтія переводы были неудовлетворительны со стороны внутренней сущности и внѣшняго исполненія. Инородческіе языки, въ своемъ первобытномъ видѣ, совсѣмъ

не имѣють словъ для выраженія отвлеченныхъ понятій. Такія слова надо создать, то есть надо взять подходящее слово въ его реальномъ значеніи и въ сознаніи народа возвысить его до означенія отвлеченнаго понятія. Когда же это оказывается невозможнымъ, надо употребить русское слово. Первые переводчики этого не понимали. Не понимали они и своеобразнаго синтаксиса инородческихъ языковъ и переводили слово въ слово, отъ чего получалась совершенная бессмыслица. Переводы изобиловали или русскими оборотами, или арабскими, турецкими и персидскими словами, такъ что были для народа совершенно непонятны.

Въ 1847 году для борьбы съ массовыми отпаденіями крещеныхъ татаръ въ исламъ, былъ по распоряженію правительства образованъ особый Переводческій Комитетъ при Казанской духовной Академіи. Предсѣдателемъ его съ 1848 года былъ Казанскій архіепископъ Григорій Постниковъ, главнымъ руководителемъ профессоръ Казанскаго Университета оріенталистъ Каземъ-Бекъ, а однимъ изъ сотрудниковъ молодой бакалавръ Н. И. Ильминскій.

Въ теченіе 10 лѣтъ Комитетъ перевелъ главнѣйшія священныя и богослужебныя книги, но допустилъ при этомъ тѣ ошибки, которыя дѣлали всѣ прежніе переводчики: то есть переводилъ на книжный татарскій языкъ, испещренный арабизмами, и печаталъ арабскимъ шрифтомъ. Лѣтомъ 1856 года Ильминскій, по порученію архіепископа Григорія, объѣздилъ нѣсколько крещено-татарскихъ селеній и читалъ народу эти переводы. Оказалось, что они народу совершенно непонятны. Тогда Ильминскій пришелъ къ убѣжденію, что необходимо дѣлать переводы на живой народный языкъ и печатать ихъ русскими буквами, приспособленными къ фонетикѣ инородческихъ языковъ, путемъ небольшихъ измѣненій. Первый же опытъ осуществленія этой мысли далъ прекрасные результаты; едва грамотные—крестьянскіе мальчики свободно читали и понимали новыя книги. Этотъ новый переводческій приѣмъ былъ принятъ за правило въ основанной въ 1876 году въ Казани, по предложенію Московскаго Митрополита Иннокентія, Переводческой Комиссіи Православнаго Миссіонерскаго Общества. Ильминскій сдѣлался первымъ предсѣдателемъ этой Комиссіи и душой переводческаго дѣла, но работалъ все время во взаимодействіи не только съ учеными лингвистами, а главнымъ образомъ съ самими инородцами, иногда даже съ учениками крещено-татарской школы.

Этотъ введенный Ильминскимъ принципъ—переводить для

народа съ помощью этого же самаго народа—донынѣ свято соблюдается въ Переводческой Комиссіи.

Съ основаніемъ въ 1867 г. Казанскаго Братства Св. Гурія и въ 1876 году Казанской Переводческой Комиссіи, къ дѣлу просвѣщенія инородцевъ впервые привлекается частная инициатива. Казенные административные приемы замѣняются общественной самодѣятельностью. Это направленіе ясно проглядываетъ въ первомъ уставѣ братства Св. Гурія, которое было основано Казанскимъ Архіепископомъ Антоніемъ и организовано имъ вмѣстѣ съ Ильминскимъ, какъ свободное общественное учрежденіе.

Архіепископъ Антоній, человекъ исключительныхъ способностей и глубокой, искренней религіозности, до сихъ поръ живетъ въ памяти Казанскаго Общества, какъ истинный святитель.

Въ дѣлѣ просвѣщенія инородцевъ онъ стоялъ исключительно на христіанской точкѣ зрѣнія. Онъ отлично сознавалъ бесплодность канцелярскихъ распоряженій въ миссіонерскомъ дѣлѣ, и хотя имѣлъ возможность создать административно-миссіонерскій органъ, ему подчиненный, учредилъ братство во имя Св. Гурія. Это было первое въ Россіи братство послѣ знаменитыхъ русскихъ братствъ на Западѣ. Ни одно изъ открытых послѣ Антонія, въ другихъ епархіяхъ братствъ не было задумано такъ широко. Архіепископъ Антоній стремился привлечь свѣтское общество къ служенію церкви и начерталъ и утвердилъ для братства замѣчательный уставъ. По этому уставу, во главѣ братства стояли предсѣдатель и совѣтъ, избираемые на годъ общимъ собраніемъ. Всѣ члены Казанскаго Общества могли входить въ составъ братства и свободно работать. Себѣ Архіепископъ оставилъ лишь покровительство. Ни рапортовъ, ни почтительнѣйшихъ донесеній отъ братства не требовалось, а требовался лишь интересъ къ дѣлу. Предсѣдателемъ братства могло быть даже свѣтское лицо и званіе это въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ несъ съ величайшей охотой попечитель Казанскаго Учебнаго Округа П. Д. Шестаковъ.

Въ настоящее время, когда миссіонерское дѣло всюду дѣлается предписаніемъ Консисторіи, представляется удивительнымъ, что 2 человека, которые держали въ своихъ рукахъ высшую духовную и учебную власть, сознательно отрекаются отъ нея въ пользу случайнаго состава общаго собранія и совѣта братства. Происходило это изъ убѣжденія этихъ лицъ, что въ дѣлѣ миссіи не слѣдуетъ опираться на административныя распоряженія, что распространеніе православія должно быть результатомъ съ одной стороны безкорыстнаго одушевленія православ-

ныхъ русскихъ людей, а съ другой—свободнаго тоже безкорыстнаго проникновенія имъ инородцевъ. Православная церковь, по мысли Архіепископа Антонія, должна была являться въ глазахъ инородцевъ собраніемъ вѣрующихъ русскихъ людей, а не административнымъ учрежденіемъ.

Когда Архіепископъ Антоній, или попечитель Шестаковъ, находили возможнымъ привлечь казенныя средства къ миссіонерскому дѣлу, то эту казенную помощь они не выставляли какъ результатъ своего личнаго подвига, а ставили дѣло такъ, чтобы инородцы видѣли въ этомъ помощь добрыхъ русскихъ людей. Когда миссіонерство имѣетъ характеръ казенный, оно заранѣе обречено на неуспѣхъ. По основнымъ законамъ русской имперіи правительство не миссіонерствуетъ, а миссіонерство есть дѣло частной инициативы.

Такое направленіе, данное братству Архіепископомъ Антоніемъ, открывало свободу частнымъ лицамъ приходить на помощь церковной власти. Затѣмъ Архіепископъ Антоній твердо сталъ на православной точкѣ зрѣнія, что духовенство должно быть соплеменно паствѣ и не прицутываль, вопреки канонамъ, обрусительной, или иной политики къ дѣламъ церкви.

Ко всѣмъ начинаніямъ Ильминскаго и его сотрудниковъ Архіепископъ Антоній относился безъ всякой задней мысли, тепло и задушевно. Ильминскій и созданныя имъ учрежденія находили въ Архіепископѣ горячую, сердечную поддержку.

Ударъ соборнаго колокола, возвѣстившій смерть Архіепископа Антонія, вызвалъ у Ильминскаго и во всей Учительской Семинаріи, съ тревогой слѣдившей за болѣзнью Архіепископа, глубокое, искреннее горе.

П. Д. Шестаковъ принадлежалъ къ лучшимъ дѣятелямъ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Горячій патриотъ и твердый администраторъ, онъ стоялъ въ учебномъ дѣлѣ за самостоятельность учащаго персонала и за участіе общества въ дѣлѣ народнаго образованія. Инспекторъ народнаго училища того времени не имѣлъ права ссориться съ земскими учрежденіями. Инспекторовъ, которые не умѣли ладить съ представительными учрежденіями, Шестаковъ переводилъ на другія мѣста. Въ области инородческаго образованія Шестаковъ проявилъ свое убѣжденіе о необходимости участія общества въ этомъ дѣлѣ двумя фактами: во первыхъ тѣмъ, что, когда учредилось въ Казани братство для просвѣщенія инородцевъ, онъ вступилъ въ него не въ качествѣ почетнаго члена, а въ качествѣ зауряднаго братчика и работалъ какъ обыкновенный членъ; во вторыхъ, что онъ дозволилъ Иль-

минскому возникающія тогда школы организовать не какъ казенныя учрежденія, а какъ частныя.

Изъ горячаго русскаго патріотизма Шестакова вытекало его доброе участливое отношеніе къ инородцамъ. Когда времена перемѣнились, когда обращеніе къ участию общества стало считаться подозрительнымъ, а патріотизмъ сталъ проявляться въ видѣ нетерпимости къ инородцамъ, Шестаковъ ушелъ изъ братства. Замѣчательно, что даже такой облеченный довѣріемъ чловѣкъ, какъ Шестаковъ, подвергся въ братствѣ обвиненію въ поощреніи сепаратизму. Уже тогда назрѣвала среди русскаго духовенства оппозиція противъ увеличенія числа инородческаго духовенства потому, что это влекло къ уменьшенію числа доходныхъ приходоѡ.

Выходъ Шестакова былъ началомъ конца Антоніевскаго Братства, которое въ 1896 году, подъ давленіемъ архіерейской власти, замѣнено братствомъ, въ которомъ участіе общественнаго элемента сведено къ нулю.

Подъ участливой охраной Архіепископа Антонія и П. Д. Шестакова школо-просвѣтительное дѣло, созданное и направленное Ильминскимъ, быстро росло и развивалось.

Система образованія восточныхъ инородцевъ, носящая по нынѣ названіе „системы Ильминскаго“, возникла сама собой, почти случайно, на почвѣ приноравливанія преподаванія къ живымъ потребностямъ жизни.

Когда Ильминскій началъ заниматься переводами на живой народный языкъ инородцевъ, ему потребовался постоянный помощникъ, простой благочестивый чловѣкъ. Такого помощника онъ нашель въ лицѣ, молодого крещенаго татарина, крестьянина Мамадышскаго уѣзда Казанской губерніи Василія Тимофеева. Ильминскій привезъ его въ Казань и устроилъ его сначала водозомъ при монастырѣ, а затѣмъ практикантомъ татарскаго языка въ Казанской Духовной Академіи, гдѣ самъ состоялъ въ это время профессоромъ.

Зимой 1863 года одинъ старо-крещеный татаринъ изъ родной деревни Тимофеева, привезъ къ нему сына учиться. За этимъ мальчикомъ, черезъ мѣсяць, пріѣхалъ другой, а за нимъ третій-все изъ той же деревни. Они учились зиму 1863 года, помѣщаясь вмѣстѣ съ учителемъ и его семьей, въ наемной квартирѣ, въ подвальной комнаткѣ, за Академіей.

Въ іюнѣ 1864 года Тимофеевъ, вмѣстѣ со своими учениками, отправился на родину. Ихъ чтеніе и пѣніе православныхъ молитвъ на родномъ языкѣ понравилось вообще крещенымъ татарамъ, а примѣръ ихъ заохотилъ другихъ мальчиковъ. Тимофеевъ объ-

ѣхалъ нѣсколько деревень; всюду крещеные татары заинтересовывались его ученіемъ и зимой въ Казань къ нему пріѣхало уже 19 учениковъ и 1 ученица. Въ началѣ своего существованія школа была чрезвычайно скромная и жила, главнымъ образомъ, на пожертвованія, но въ этой школѣ Василій Тимофеевъ и Ильминскій вмѣстѣ вырабатывали приемы разумнаго преподаванія, примѣннаго къ инородцамъ. Преподаваніе въ школѣ шло на инородческомъ языкѣ, по учебнымъ книгамъ, напечатаннымъ русскими буквами. Усвоивъ русскую азбуку, ученики легко переходили къ чтенію на русскомъ языкѣ; скоро изъ мальчиковъ, считавшихся прежде неспособными къ образованію, стали вырабатываться превосходные учителя и миссіонеры. Окончивъ курсъ въ Казанской школѣ, крещеные татарчата расходились по своимъ роднымъ деревнямъ и тамъ, иногда уже въ возрастѣ 14-15 лѣтъ, открывали маленькія школы. Эти школы — отрасли, оставались въ живой связи съ Казанской Центральной крещено-татарской школой, которая все росла и развивалась.

Заботу объ этихъ школахъ приняло на себя братство св. Гурія, а Казанская Центральная крещено-татарская школа осталась на правахъ частнаго учебнаго заведенія, въ вѣдѣніи Директора Казанской Учительской Семинаріи.

Въ 1869 году Василій Тимофеевъ былъ посвященъ во священники и положилъ собой начало цѣлой плеядѣ прекрасныхъ священниковъ, вышедшихъ изъ нѣдра народа, что дало возможность ввести во многихъ инородческихъ приходахъ богослуженіе на инородческихъ языкахъ. Въ священники шли лучшіе изъ инородческихъ учителей, а главнымъ разсадникомъ учителей сдѣлалась основанная въ 1872 г. Казанская Учительская Семинарія, первымъ деректоромъ которой былъ Ильминскій, и основанная въ тѣхъ же годахъ Симбирская чувашская учительская школа.

26 марта 1870 года получили Высочайшее утвержденіе, выработанныя при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, „Правила о мѣрахъ къ образованію инородцевъ“, которыя устанавливали, что орудіемъ первоначальнаго обученія для каждаго племени должно быть родное его нарѣчіе, а учителя инородческихъ школъ должны быть соплеменны своимъ ученикамъ, притомъ знающіе хорошо русскій языкъ, или русскіе, владѣющіе соотвѣтственнымъ инородческимъ нарѣчіемъ.

Въ 1883 году былъ изданъ Синодальный указъ о допущеніи богослуженія на инородческихъ языкахъ, доселѣ проктиковавшагося лишь по епископскимъ разрѣшеніямъ; а въ 1889 году Св.

Синодъ принялъ Правила 26 марта 1870 года и для начальныхъ инородческихъ школъ Духовнаго Вѣдомства.

Такимъ образомъ „Система инородческаго просвѣщенія“, выработанная Ильминскимъ, завоевала себѣ постепенно официальное признаніе.

Къ чему же сводилось практическое осуществленіе идей Ильминскаго?

Онъ желалъ дать инородцамъ молитву и богослуженіе на ихъ родномъ языкѣ, и близкую имъ школу съ роднымъ языкомъ, какъ основой воспитанія и какъ орудіемъ для изученія языка русскаго, потому онъ хлопоталъ о духовенствѣ и учителяхъ изъ инородцевъ, объ устройствѣ школъ и приходовъ, о переводѣ книгъ на инородческіе языки. Онъ стремился и къ усвоенію инородцами русскаго языка, въ цѣляхъ культурныхъ, государственныхъ и практическихъ, а рядомъ съ нимъ отводилъ мѣсто въ школѣ и языку церковно-славянскому, на который смотрѣлъ, какъ на связь всѣхъ православныхъ славянъ, къ которымъ должны примкнуть и инородцы. Онъ мечталъ о сліяніи всѣхъ, безъ различія религій, инородцевъ въ одну русскую семью, поэтому хлопоталъ о допущеніи въ русскія учебныя заведенія язычниковъ на льготныхъ правахъ, безъ обязательнаго крещенія; хлопоталъ и о совмѣстномъ съ русскими обученіи мусульманъ, безъ всякаго покушенія на прозелитизмъ, и издавалъ для киргизъ свѣтскія книги.

Хотя его горячая религіозная душа и желала видѣть инородцевъ членами православной церкви,—отсюда горячій откликъ его на всѣ миссіонерскіе запросы,—но онъ отнюдь не былъ узкимъ фанатикомъ.

Онъ былъ безусловнымъ противникомъ всякой полемики и всякой пропаганды, и всегда ратовалъ за постепенное воспитательное духовное вліяніе школы.

Для характеристики такого вліянія приведу разсказъ одного учителя — вотяка, котораго я встрѣтила въ Вятской губерніи. „Въ моей школѣ“, говорилъ мнѣ этотъ учитель, „до моего поступленія все преподаваніе велось на русскимъ языкѣ. Когда я сталъ заниматься въ этой школѣ, я завелъ пѣніе молитвъ на вотскомъ языкѣ и къ концу года мы съ учениками стали пѣть въ церкви на клиросѣ. Когда хоръ запѣлъ по-вотски, ученики вотяки сосѣдней земской школы, которые никогда не слышали молитвъ на вотскомъ языкѣ, съ жадностью прислушивались къ понятному имъ пѣнію и воровали у моихъ учениковъ тетрадки, чтобы списывать молитвы“.

„Въ вотской земской школѣ нашего села“, говорилъ мнѣ одинъ священникъ-инородецъ, „была русская учительница, ученеіе велось на русскомъ языкѣ, ученики привыкли учиться по-русски машинально, и когда я имъ далъ вотскія книги, то они ничего не понимали. Прочитають, а рассказать не могутъ, потому что привыкли читать машинально. Когда же вотяки учатся съ самого начала на природномъ языкѣ, то они привыкають слѣдить за мыслью“.

Въ школахъ, поставленныхъ по системѣ Ильминскаго, которыя мнѣ удалось посѣтить, меня поражало въ ученикахъ какое-то особенное серьезное и сознательное настроеніе. Я замѣтила также, что такое настроеніе проникаетъ и въ деревню и вліяетъ на весь ея строй и даже на ея внѣшній бытъ.

Такимъ образомъ жизнь вполне оправдала идеи Ильминскаго и доказала ихъ справедливость, ихъ соотвѣтствіе потребностямъ инородцевъ.

Къ сожалѣнію, наступившее въ Россіи, въ концѣ прошлаго столѣтія, господство узкаго націонализма принесло съ собою враждебныя системѣ Ильминскаго теченія и великій просвѣтитель въ 1891 году, незадолго до своей смерти, писалъ горькія слова: „Противъ инородческаго образованія воздвигается издавна, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше, вражда и брань съ разныхъ сторонъ и разнаго содержанія... Есть люди, которые почти ждуть моей смерти, полагая, что я единственная опора и защита инородчества“. *)

Эти опасенія оказались пророческими.

II.

Н. И. Ильминскій скончался 27 Декабря 1891 года.

Съ тѣхъ поръ дѣло просвѣщенія инородцевъ продолжаетъ расти и развиваться.

Лѣтомъ 1904 года мнѣ удалось совершить объѣздъ нѣкоторыхъ инородческихъ мѣстностей, посѣтить болѣе 30 селеній въ 4 губерніяхъ: Казанской, Симбирской, Вятской и Уфимской и познакомиться съ нѣсколькими десятками инородческихъ дѣятелей.

Все видѣнное и слышанное мною убѣдило меня, что слова, не разъ произнесенныя при мнѣ въ Петербургѣ: „Дѣло Ильминскаго погибло, людей нѣтъ,“—совершенно несправедливы. Люди есть:—преданные, самоотверженные, отдающіе самихъ себя всецѣло на служеніе дѣлу. Этимъ людямъ приходится вести упор-

*) Просвѣтитель инородцевъ Казанскаго Края Н. С. Ильминскій. Самара, 1900. Составилъ Н. А. Спасскій.

ную борьбу, чтобы отстоять дѣло инородческаго просвѣщенія, потому что враги, о размноженіи которыхъ писалъ Ильминскій, послѣ его смерти, воспользовались господствомъ въ высшемъ Правительствѣ узко-національныхъ идей, чтобы провозгласить систему Ильминскаго сепаратистической и подрывать ея развитіе. И въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, и среди нѣкоторыхъ представителей Духовнаго Вѣдомства, стали бояться этого сепаратизма, о которомъ усердно доносили мѣстные чиновные администраторы; благодаря исключительному господству бюрократіи, эти мѣстные администраторы получили возможность дѣйствовать почти безконтрольно. Въ инородческихъ школахъ Приволжья начались гоненія противъ инородческихъ языковъ, запрещеніе инородческихъ книгъ, перемѣщеніе учителей-инородцевъ въ русскія школы и замѣна въ инородческихъ школахъ русскими, не знающими языка своихъ учениковъ. Въ инородческихъ приходяхъ начался походъ противъ богослуженія на инородческихъ языкахъ, такъ что инородческому духовенству трудно стало работать.

Однимъ изъ самыхъ яркихъ признаковъ проникновенія Духовнаго Вѣдомства бюрократическимъ духомъ, явилось паденіе Казанскаго братства Св. Гурія. Реформы начались съ того, что Братству былъ данъ обязательный предсѣдатель въ лицѣ епископа Чебоксарскаго, викарія Казанской епархіи, не взирая на то, что такой епископъ часто не имѣлъ ни подготовки, ни интереса къ дѣлу. Затѣмъ удлиненъ былъ срокъ службы членовъ Совѣта и установлено, что предсѣдатель и $\frac{1}{2}$ членовъ Совѣта назначаются мѣстнымъ архіереемъ, а членами братства состоятъ всѣ служащіе по Духовному Вѣдомству и все духовенство.

Братство постепенно обратилось въ Канцелярію архіерея и наполнилось ученымъ сановнымъ духовенствомъ, которое стало проповѣдывать свои миссіонерскія теоріи и даже задумало передать Братскія школы въ епархіальный училищный Совѣтъ съ тѣмъ, чтобы свободнѣе заняться полемикой и пропагандой, что совершенно противорѣчило взглядамъ Ильминскаго.

Въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія система Ильминскаго въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ была въ полномъ загонѣ, но два послѣдніе года интересъ къ этой системѣ снова возродился и весною прошлаго 1905-го года было создано при Министерствѣ особое Совѣщаніе съ участіемъ лучшихъ мѣстныхъ дѣятелей для разсмотрѣнія вопроса объ образованіи инородцевъ и

для выработки мѣръ, могущихъ содѣйствовать правильной его постановкѣ, по принципамъ Ильминскаго *).

Нужно надѣяться, что великіе манифесты 17 апрѣля и 17 октября оградятъ отнынѣ инородцевъ отъ тѣхъ стѣсненій, которымъ они въ теченіе многихъ лѣтъ подвергались.

Позволю себѣ теперь вкратцѣ обрисовать положеніе Приволжскихъ инородцевъ и передать тѣ впечатлѣнія, которыя я вынесла изъ своей поѣздки по селеніямъ Приволжскаго края, и тѣ данныя, которыя мнѣ удалось собрать отъ разныхъ свѣдущихъ лицъ и изъ печатныхъ источниковъ.

Въ инородческомъ мірѣ восточной Россіи есть 3 крупныхъ элемента:

- 1) Инородцы магометане.
- 2) Инородцы буддисты.
- 3) Инородцы православные и язычники.

Инородцы магометане (татары, башкиры, киргизы).

До недавняго еще времени на всемъ огромномъ пространствѣ восточной Россіи русской элементъ являлся единственной культурной силой и постепенно втягивалъ въ себя лишеныя историческаго самосознанія малокультурныя историческія племена. Въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтій рядомъ съ русской образованностью начинаетъ возникать образованность мусульманская.—Инертная и безграмотная масса татарскаго населенія начинаетъ развиваться среди себя, прежде всего въ Казани, историческое самосознаніе на почвѣ ислама. Опираясь на него, татары создаютъ большое число учебныхъ заведеній, а затѣмъ литературу, сначала схоластическую, затѣмъ по-степенно проникающуюся тенденціями національными. Литературное движеніе въ свою очередь даетъ матеріалъ для созданія литературнаго языка. Первые татарскія изданія были перепечатками арабскихъ книгъ, религіозныхъ и отчасти учебныхъ; затѣмъ, путемъ постепеннаго развитія, въ послѣдніе 20 лѣтъ, создалась печать, пользующаяся искусственнымъ языкомъ, объединяющимъ разновидности татарскихъ діалектовъ Европейской Россіи. Эта литература по содержанію своему намъ представляется бѣдной, но она близко отвѣчаетъ духовнымъ запросамъ мусульманской массы, распространяется среди нея въ огромномъ количествѣ и создаетъ и поддерживаетъ обособленное міросо-

*) Въ настоящемъ докладѣ я частью воспользовалась тѣми официальными данными, которыя сдѣлались мнѣ извѣстны во время занятій этого Совѣщанія, такъ какъ я имѣла честь принимать въ немъ участіе.

зерцаніе. Въ послѣдніе годы эта литература во много разъ превосходитъ количественно мѣстную русскую литературу, — она превосходитъ ее и своимъ соотвѣтствіемъ духовнымъ потребностямъ массы.

Въ Казани почти всѣ типографіи работаютъ на татарь.

Надо полагать, что общее число изданій, напечатанныхъ во всѣхъ Казанскихъ типографіяхъ въ 1903 году, превосходитъ 250 названій и 2½ милліона экземпляровъ.

Татарскія изданія печатаются не только въ Казани, но и въ другихъ городахъ Россіи: Петербургѣ, Москвѣ, Оренбургѣ, Ташкентѣ, Баку, и Бахчисараѣ.

Въ Казани 10 татарскихъ книжныхъ лавокъ, находящихся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ заграничными мусульманскими книгопродавцами. По каталогу одной изъ нихъ видно, что въ Казани, кромѣ изданій мѣстной печати, имѣются въ продажѣ мусульманскія книги, издаваемые за границей въ Турціи, Египтѣ, Индіи и Сиріи.

Въ каталогѣ этой фирмы, напечатанномъ ею въ 1903 г., значится 786 названій отдѣльныхъ сочиненій, распредѣляющихся по отдѣламъ: богословіе, правовѣдѣніе, толкованіе на Коранъ и хадисы, философія, логика, риторика, исторія, географія, медицина, грамматика, лексикографія, библиографія, математика, каллиграфія, изящная словесность (романы, повѣсти, рассказы сказки и пр.). Въ числѣ этихъ изданій есть переводныя произведенія съ иностранныхъ языковъ, которыя знакомятъ мусульманъ съ результатами новѣйшихъ научныхъ открытій и съ современными направленіями европейской мысли. Такъ, напри- мѣръ, въ Казани можно найти турецкій переводъ сочиненій Шопенгауэра.

Пробужденіе національнаго самосознанія среди магометанъ, о которомъ свидѣтельствуютъ приведенныя цифры, подняло и духовную самостоятельность и создало на Востокѣ противовѣсъ русскому вліянію.

Прежде всего татарскому вліянію подверглись башкиры, которые почти сплошь потеряли свой языкъ, затѣмъ киргизы.

Въ киргизскихъ степяхъ въ первую половину 19 столѣтія въ присутствіяхъ и правленіяхъ всюду употреблялся языкъ татарскій, толмачами служили татары, и только со 2-ой половины прошлаго столѣтія, благодаря заботамъ нѣкоторыхъ государственныхъ людей, татарскій языкъ официально сталъ замѣняться языкомъ киргизскимъ. Не случись этого, — богатѣйшему нарѣчію тюркско-татарскаго языка, языку киргизъ пришлось бы

исчезнуть, и самимъ киргизамъ слиться съ татарами. Однако, отатариваніе киргизской степени быстро подвигается впередъ, потому что почти на всемъ необъятномъ пространствѣ степей странствуютъ татарскіе торговцы, муллы, учителя. Вмѣстѣ съ ними въ степь проникла и широко распространилась мусульманская книжка частью на татаризованномъ киргизскомъ языкѣ, частью на чисто татарскомъ, который извѣстенъ всѣмъ грамотнымъ киргизамъ. Слово грамотный, здѣсь значитъ, разумѣется, учившійся въ медресѣ, или мектебѣ. Прежніе очаги мусульманской учености, Бухара и Самаркандъ, начинаютъ блѣднѣть сравнительно со славой мусульманской Казани.

Татаринъ-мусульманинъ, проучившійся въ мектебѣ, или медресѣ 6—8 лѣтъ, получившій такимъ образомъ порядочное мусульманское образованіе и, слѣдовательно, сравнительно съ русскими и инородческими крестьянами, развитой, живой и изворотливый,—проникаетъ по торговымъ дѣламъ во всѣ инородческіе закоулки собственно Россіи и нашихъ средне-азиатскихъ владѣній.

Объединяющая сила ислама и татарской литературы въ послѣдніе годы развилась сильнѣе, чѣмъ наше ей противодѣйствіе. Наши мѣропріятія въ отношеніи мусульманъ ограничивались слабыми попытками насаждать среди нихъ русскій языкъ и образованность. Мы ложно судили о татарахъ. Мы видѣли, что у насъ достаточно юношѣ доучиться до IV класса гимназіи, чтобы онъ началъ свысока относиться и къ многовѣковымъ государственнымъ установленіямъ, и тѣмъ болѣе къ народнымъ обычаямъ. Мы ожидали подобнаго и у мусульманъ. Мы думали, что достаточно мусульманъ научить русскому языку и приобщить къ такъ называемой европейской культурѣ, чтобы они уже отреклись отъ мусульманской обособленности. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не происходитъ и происходить не можетъ. Вращаясь среди индифферентной къ религіи русской молодежи, мусульманинъ усваиваетъ отъ нея лишь презрительное отношеніе къ христіанству, но отнюдь не къ мусульманству. Правда, находясь въ русскомъ обществѣ, мусульмане легко относятся къ мусульманскимъ обрядамъ, но въ своей средѣ сознательно остаются мусульманами и отчетливо высказываются за поддержаніе ислама, такъ какъ онъ является основой татарской народности.

Въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія состоялось ВЫСОЧАЙШЕЕ повелѣніе о передачѣ частныхъ мусульманскихъ училищъ, медресъ и мектебовъ, въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія и о подчиненіи ихъ инспекціи, но это ВЫСОЧАЙШЕЕ

повелѣніе фактически доселѣ не исполняется, и исполнить его мы не можемъ, потому что для этого надо, чтобы директоръ народныхъ училищъ зналъ татарскій языкъ, такъ какъ безъ знанія этого языка смѣшно входить въ медресы.

Въ Казанскомъ Учебномъ Округѣ не менѣе полутора тысячи медресь и мектебовъ; во всѣхъ нихъ все преподаваніе цѣликомъ ведется на татарскомъ языкѣ, безъ всякаго со стороны Правительства контроля. При десяткѣ, много двухъ, медресь, существуютъ классы русскаго языка, посѣщеніе которыхъ необязательно и которые дѣйствительно посѣщаются ничтожнымъ числомъ учащихся, при томъ въ свободное отъ мусульманскихъ занятій время. Министерство открываетъ изрѣдка училища для мусульманъ, и директорскіе отчеты всегда радостно возвѣщаютъ увеличеніе списочнаго числа учащихся на 1—2 десятка. Но всюду успѣхи учащихся ниже всякой критики, да иначе и быть не можетъ, такъ какъ постановкой учебнаго дѣла въ этихъ училищахъ руководятъ инспектора, совсѣмъ не знающіе по татарски.

Мусульмане не въ правѣ жаловаться на притѣсненія со стороны русскихъ властей, они даже во многихъ отношеніяхъ свободнѣе православныхъ русскихъ. Напримѣръ, магометанинъ завѣщаетъ имущество на содержаніе медресы. Если бы завѣщатель былъ русскій, имущество немедленно поступило бы въ казну и съ торговъ, на которые могли-бъ явиться русскіе, и евреи, и татары, было бы сдано въ аренду. Но завѣщатель магометанинъ. Имущество много лѣтъ безконтрольно и весьма плохо управляется муллами, а затѣмъ административнымъ распоряженіемъ сдается въ аренду непременно магометанину. Дѣлается это отступленіе отъ законно установленнаго порядка не по корыстнымъ соображеніямъ, а только по особому вниманію къ магометанамъ, которые „могли бы“ волноваться, если бы имущество, принадлежавшее мусульманину и обезпечивающее содержаніе медресы, было взято въ аренду на торгахъ русскимъ, или евреемъ. Другой примѣръ: православный русскій подданный имѣетъ право содержать частныя учебныя заведенія, лишь получивъ законное разрѣшеніе и подчиняясь установленнымъ правиламъ и программамъ; магометане содержатъ тысячи учебныхъ заведеній, куда фактически не вхожа инспекція. Такія училища и во все безъ преподаванія русскаго языка существуютъ даже въ Казани. А достаточно татарину креститься, какъ онъ попадетъ въ школу, гдѣ есть обязательная программа и гдѣ русскій языкъ главный предметъ преподаванія.

Позволю себѣ сообщить отрывочныя данныя о количествѣ мусульманскихъ училищъ на нѣкоторыхъ нашихъ окраинахъ. Напр. въ Сыръ-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской областяхъ было за 1899 годъ:

Мусульманскихъ училищъ	5246	съ	53968	учащимися
Русскихъ школъ	119	съ	6440	учащимися
Мечетей	11964	при нихъ	Имамовъ	11680
Мазаровъ	331	при нихъ	Шейховъ	421
Ишановъ	391			
Православныхъ церквей	42			

А вотъ свѣдѣнія по Уфимской губерніи. По переписи 1897 года въ Уфимской губерніи оказалось 2.220.590 душъ:

Русскихъ	784.000	„
Иностранцевъ	1.436.590	„
изъ нихъ магометанъ	1.181.939,	что составляетъ не- много больше половины всего населенія губерніи.

По свѣдѣніямъ 1899 года въ Уфимской губерніи православныхъ церквей 349, а мечетей 1555, православныхъ священниковъ 360, а татарскихъ муллъ 4655, магометанскихъ медресъ и мектебъ 6220, а церковныхъ школъ 231.

Въ настоящее время мусульмане по образованію стоятъ выше русскихъ.

Напримѣръ, по свѣдѣніямъ всеподданнѣйшаго отчета Казанской губерніи, число магометанскихъ училищъ медресъ и мектебъ въ Казанской губ. возрасло съ 1898 до 1900 года, т. е. за 2 года на 24%, а число русскихъ лишь на 1,1%.

Магометанское населеніе составляетъ 28% общаго числа жителей Казанской губерніи, а учащіеся магометане составляютъ 40% общаго числа учащихся, не смотря на то, что въ число русскихъ учебныхъ заведеній включены: Университетъ, Духовная Академія, Юнкерское Училище и прочія среднія учебныя заведенія, существующія почти цѣликомъ на казенныя ассигнованія, а всѣ татарскія училища созданы частной мусульманской инициативой и ни откуда не получаютъ пособій. Въ русскомъ населеніи одинъ учащійся приходится на 14 человекъ мужскаго населенія и одна учащаяся на 55 женскаго; у магометанъ же одинъ учащійся на 9 мусульманъ и одна учащаяся на 12 мусульманокъ, т. е. магометанскія дѣвочки учатся больше, чѣмъ русскіе мальчики. Эти цифры указываютъ на сильнѣйшее самобытное религіозно національное движеніе въ мусульманскомъ мірѣ, среди

котораго существуетъ значительной интересъ къ учебному дѣлу: магометане пишутъ десятки сочиненій о преподаваніи, и начинаютъ вводить въ нѣкоторыхъ своихъ школахъ приемы новѣйшей педагогики.

Русскаго языка, по свѣдѣніямъ всеподданѣйшаго отчета Казанскаго Губернатора за 1900 г., магометане почти вовсе не изучаютъ. Въ 1900 году русскій языкъ магометанамъ преподавался всего въ 27 учебныхъ заведеніяхъ Казанской губерніи, училось ему 1255 мальчиковъ и 69 дѣвочекъ, въ среднемъ менѣе 2 человѣкъ на тысячу магометанскаго населенія, т. е. менѣе, чѣмъ русскіе въ Казанской губерніи учатся языку нѣмецкому, или французскому.

Изъ всего сказаннаго видно, что мусульманская обособленность развивается и будетъ развиваться впредь. Знаніе русскаго языка при такихъ условіяхъ не сближаетъ татаръ съ нами, а даже усиливаетъ ихъ обособленность, такъ какъ даетъ имъ возможность переносить въ свои школы лучшіе методы, поднимаетъ ихъ культурно, лучше вооружаетъ ихъ.

Русскій мусульманскій міръ тѣсно связанъ съ мусульманствомъ заграничнымъ съ одной стороны черезъ паломничество въ Мекку, а съ другой—черезъ родственные и торговые отношенія нашихъ киргизовъ, туркменъ съ китайскими и персидскими тюрками. Поэтому всякое наше мѣропріятіе по отношенію мусульманъ оглашается устной молвой и заграничной магометанской прессой во всемъ магометанскомъ мірѣ. Такія сношенія нашихъ мусульманъ съ зарубежными весьма усложняютъ вопросъ, такъ какъ для Россіи имѣетъ огромную важность отношеніе къ ней мусульманъ Китая, Персіи, Афганистана и Индіи.

Русскіе склонны смотрѣть на мусульманскую науку, какъ на ничтожный хламъ. Это прискорбная ошибка. Конечно, въ мусульманской наукѣ огромное количество того, что съ нашей точки зрѣнія можно назвать хламомъ; но въ ней сохраняются, традиціи античной науки, а то, что намъ представляется хламомъ, согрѣвается живой вѣрой народа и дорого ему, какъ священное, преданіе. Одинъ образованный мусульманинъ, съ которымъ я познакомилась въ Казани, говорилъ мнѣ слѣдующее: „Искреннихъ мусульманъ никогда нельзя будетъ обратить въ христіанство потому что они имѣютъ прекрасную религію, которая не хуже христіанства. Для народа исламъ даже понятнѣе. Затѣмъ, исламъ связанъ съ національностью. Есть ученые мусульмане, которые не признаютъ ни какой религіи, предпочи-

тая ей философію, но и они не хотятъ официально отказаться отъ ислама. Они говорятъ, что если исламъ не религія, то онъ прекрасная старая философія нашихъ предковъ. Если Магометъ не былъ пророкомъ, то онъ былъ философомъ.

„Мусульмане усердно слѣдятъ за всѣми политическими событіями, читаютъ всѣ русскія газеты, издаютъ свои татарскія газеты (въ одной Казани ихъ 3) и получаютъ также газеты арабскія и турецкія. Простые татары считаютъ неудачи русскихъ въ Японіи Божіей карой за незаконныя, по ихъ мнѣнію, дѣйствія миссіонеровъ противъ мусульманъ.

„Вообще миссіонеры много содѣйствовали возбужденію враждебности мусульманъ противъ русскихъ“, говорилъ мнѣ все тотъ-же Казанскій мусульманинъ. „Вѣдь миссіонерамъ нужно оправдать свое жалованье. Вотъ, напримѣръ, въ киргизской степи киргизы, пока не было миссіонеровъ, не знали мусульманства и не учили ему своихъ дѣтей, за исключеніемъ не многихъ богачей, которые нанимали учителей-татаръ. Когда явились миссіонеры и стали бранить исламъ, тогда киргизы подумали, что правительство хочетъ обратить ихъ въ хрістіанство и всѣ, даже самые бѣдные, стали обучать дѣтей мусульманской грамотѣ, нанимая учителями на лѣто татаръ учениковъ изъ медресъ. Миссіонеры спохватились. Полиція стала запрещать татарамъ ученикамъ и мулламъ ѣздить къ киргизамъ. Тогда эти же муллы и ученики стали ѣздить туда подъ видомъ торговцевъ и киргизы стали еще усерднѣе отатариваться. Теперь полиція даже по городамъ наблюдаетъ, чтобы не было татаръ учителей, но теперь уже поздно, Дѣло уже сдѣлано, киргизы стали на ноги. Чѣмъ миссіонеры будутъ дѣйствовать сильнѣе, тѣмъ киргизы будутъ фанатичнѣе и начнутъ даже распространять антиправительственные слухи. Мусульманскіе миссіонеры въ 50 лѣтъ не могли бы такъ отатарить киргизъ, какъ это сдѣлали русскіе миссіонеры за 15—20 лѣтъ. Этому татары очень радуются, у нихъ каждый торговецъ миссіонеръ“.

Мои личныя наблюденія подтвердили эти взгляды, высказанные мусульманиномъ и тоже привели меня къ заключенію, что миссіонерство среди мусульманъ вещь не только бесполезная, но съ русской политической точки зрѣнія даже вредная.

Мусульманскій міръ есть міръ организованный и міръ по своему просвѣщенный. Сколько нибудь образованные мусульмане имѣютъ относительно хрістіанства выработанные понятія—именно, смотря на него, какъ на низшую религію. Въ мусульманскомъ мірѣ существуетъ масса полемическихъ сочиненій противъ хри-

стіанства. Мусульманское общество зорко слѣдитъ за всякой попыткой къ обращенію магометанъ и не оставляетъ безъ отвѣта никакого мѣропріятія, направленнаго противъ ислама; всякая наша миссіонерская поѣздка къ магометанамъ вызываетъ съ ихъ стороны анти-миссіонерскія мѣры; каждый рубль, который мы жертвуемъ на миссіонерство, даетъ поводъ мусульманамъ собирать сотни рублей на медресы и книги. Наши миссіонерскія мѣры суть ничтожныя булавочныя уколы, которые лишь возбуждаютъ мусульманскій міръ противъ насъ. Если мы когда нибудь потеряемъ Среднюю Азію, то это будетъ отчасти благодаря миссіонерамъ.

Мусульманскій міръ—это $\frac{1}{2}$ восточнаго инородчества. Въ другой половинѣ прежде всего слѣдуетъ назвать Астраханскихъ калмыковъ и Забайкальскихъ бурятъ.

Тѣ и другіе сами по себѣ, по своему числу, не представляютъ, повидимому, ничего существеннаго; но наша политика въ отношеніи ихъ имѣетъ огромное политическое значеніе — по связи этихъ племенъ съ Китаемъ и Тибетомъ. Мы привыкли смотрѣть на калмыковъ и бурятъ, какъ на безсловесное стадо, въ которомъ нѣтъ ни сознанія, ни идей. Происходитъ это оттого, что мы не знаемъ ни языка, ни литературы ихъ. У нихъ есть также, какъ у мусульманъ, самобытныя школы, наука, корни которой географически находятся внѣ Россіи, а преданія простираются на тысячелѣтія. Одинъ миссіонеръ приравнялъ религіозный обрядъ ламаитовъ къ мычанію коровъ. Другой, призванный руководить дѣломъ просвѣщенія въ инородческомъ краѣ, серьезно удивился тому, какъ это не умѣютъ опровергнуть магометанство и уничтожить инородческіе языки. „Нужно запретить говорить по инородчески и дѣлу конецъ“. Подобныя сужденія свидѣтельствуя, конечно, лишь о малой подготовкѣ помянутыхъ лицъ. Для инспектора и администратора ламайскій хуруль и ламы представляются явленіемъ безсмысленнымъ, и имъ кажется, что ихъ легко замѣнить школой грамоты, гдѣ будутъ затверживать понятныя инспектору славянскія молитвы и читать дѣтскій букварь. Что это на самомъ дѣлѣ не такъ, доказываетъ бесплодность 100-лѣтняго существованія Забайкальской Миссіи. За 120 лѣтъ обращено язычниковъ-шаманистовъ и ламаитовъ 12.911 человекъ. Главная масса обращенныхъ падаетъ, конечно, на шаманистовъ, хотя число шаманистовъ, принявшихъ христіанство, несравненно меньше, чѣмъ число шаманистовъ, перешедшихъ въ ламаизмъ. Миссіонеровъ въ 70-мъ году состояло въ Забайкальской Миссіи 20 человекъ, въ 80-мъ—21, а въ 1904 году—17 миссіонеровъ

и 7 сотрудниковъ. Столь ничтожный успѣхъ Миссіи объясняется съ одной стороны тѣмъ, что миссіонеры не знакомы съ міромъ, который они призваны просвѣщать. Почтенный авторъ исторіи Забайкальской Миссіи пишетъ: — „Безошибочно, кажется, можно полагать, что 4 миссіонера владѣютъ монгольскимъ бурятскимъ языкомъ, такъ какъ это, повидимому, ихъ родной языкъ, но знаютъ ли тотъ языкъ, на которомъ должны проповѣдывать инородцамъ слово Божіе, всѣ остальные миссіонеры, въ этомъ позволительно усумниться. Существованіе въ Забайкальской Миссіи переводчиковъ (четырехъ) показываетъ, что и эта миссія, какъ и другія наши миссіи, не въ достаточной степени обладаетъ однимъ изъ важнѣйшихъ и главнѣйшихъ орудій при возвѣщеніи слова Божія инородцамъ—знаніемъ мѣстныхъ инородческихъ языковъ *).

Съ другой стороны незначительные успѣхи миссій объясняются тѣмъ, что забайкальскій ламаизмъ является частью огромнаго организованнаго цѣлаго. Еще болѣе ничтожны и по тѣмъ же причинамъ, успѣхи нашей миссіи въ отношеніи астраханскихъ калмыковъ. Хотя они и отдѣлены огромнымъ пространствомъ отъ Урги и Лхассы, но эти калмыки на пароходахъ, вверхъ по Волгѣ, мимо городовъ, гдѣ существуетъ масса русскихъ учебныхъ заведеній, ѣдутъ учиться въ Ургу, а оттуда въ Тибетъ.

Православное инородчество весьма многочисленно и пока сердечно стремится къ сліянію съ нами, но оно весьма различно по своей культурѣ и по распространенію среди него русскаго языка.

Безусловно прочно привязаны къ Россіи крещеные татары среди которыхъ школа Ильминскаго функционировала наиболѣе правильно. Этихъ татаръ около 110,000 и они представляютъ чрезвычайно цѣнное для нашей политики приобрѣтеніе, за которое Россія должна быть признательна памяти Ильминскаго. Крещеные татары въ началѣ 60-хъ годовъ представляли совершенно темную массу и являлись среди сельскаго населенія губерніи самыми отсталыми. Изъ крещеныхъ татаръ не было одного человѣка, учившагося далѣе начальной школы, но и такихъ было лишь нѣсколько единицъ. Теперь всѣ 110,000 крещ. татаръ, за исключеніемъ нѣсколькихъ десятковъ домовъ, прочно привязаны къ церкви, а слѣдовательно и къ Россіи и сознательно стремятся къ сближенію съ русскими путемъ личныхъ отношеній, браковъ и проч. Кромѣ большого числа крещеныхъ татаръ, окончившихъ

*) Забайкальская духовная Миссія—протоіерея Александра Никольскаго. Москва 1904.

курсъ въ Казанской Крещено-татарской школѣ и въ Казанской Учительской Семинаріи, многіе крещеные татары теперь прошли и проходятъ духовныя среднія учебныя заведенія, а нѣкоторые получаютъ и высшее образованіе.

Посѣщеніе крещено-татарскихъ мѣстностей убѣдило меня, что система Ильминскаго не только выдвинула отдѣльныя единицы, но умственно и нравственно подняла самую массу народа, улучшивъ его бытъ. Храмы въ крещено-татарскихъ селахъ полны молящихся, число грамотныхъ быстро растетъ, а съ грамотностью распространяется и знаніе русскаго языка. Крещено-татарскія селенія, гдѣ система Ильминскаго успѣла пустить глубокіе корни, отличаются зажиточностью, и жители такихъ селеній пользуются уваженіемъ въ волостяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ, часто избираются въ волостные старшины, церковные старосты и т. п. Они даже пользуются уваженіемъ со стороны магометанъ. Въ отношеніи крещеныхъ татаръ, которые образуютъ маленькій замкнутый міръ, особенно замѣтна одна изъ отличительныхъ чертъ системы Ильминскаго. Онъ стремился къ тому, чтобы привлечь къ образованію **массу народа**. Школы, которыя открывалъ самъ Ильминскій, были маленькія школы, всѣмъ доступныя, съ самымъ ограниченнымъ курсомъ; въ этихъ школахъ главное вниманіе обращалось на **воспитаніе**, а не на усвоеніе программы. Ильминскій не любилъ вырывать изъ деревни людей, а старался пробуждать во всей массѣ народа любовь къ образованію и стремленіе къ нравственному усовершенствованію.

Отступниковъ не менѣе 40,000. По внѣшнему своему виду и домашнему быту они ничѣмъ не отличаются отъ магометанъ. Въ русскія школы они не поступаютъ, а учатся потихоньку отъ русскаго начальства въ татарскихъ училищахъ, гдѣ ихъ принимаютъ съ распростертыми объятіями. Отступники пользуются особымъ покровительствомъ коренныхъ магометанъ и превосходятъ ихъ въ смыслѣ ненависти къ христіанству: семейное состояніе ихъ неопредѣленно, положеніе ихъ, по закону, безправно, что способствуетъ возбужденію.

Чуваши около милліона. Они живутъ въ 6 губерніяхъ въ условіяхъ чрезвычайно разнообразныхъ какъ въ культурномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи. Многія части чувашскаго племени, отдѣленные отъ общей массы чувашъ, представляютъ изъ себя какъ бы особыя маленькіе мірки, бытовыя и образовательныя условія которыхъ надо изучать особо.

На ряду съ мѣстностями, гдѣ чуваша, подъ вліяніемъ школы системы Ильминскаго, видимо развиваются и умственно и мате-

риально, существуетъ цѣлый рядъ селеній, которыя только еще начинаютъ пробуждаться отъ вѣкового духовнаго сна: (напр., чуваша Чистопольскіе) есть даже мѣстности, населеніе которыхъ живетъ въ крайней нищетѣ и вырождается.

Есть чуваша язычники, чуваша отпавшіе въ исламъ, но есть и чуваша, получившіе высшее образованіе. Съ января нынѣшняго года въ Казани издается газета на чувашскомъ языкѣ въ духѣ идей Ильминскаго.

Въ одномъ изъ посвѣщенныхъ мною чувашскихъ селеній, я видѣла нѣсколько семействъ, отпавшихъ въ исламъ въ 1865 году, подъ вліяніемъ пропаганды своего однопороденца, крещенаго чувашина, окончившаго русскую Удѣльную школу первымъ ученикомъ, но затѣмъ сдѣлавшагося фанатичнымъ мусульманиномъ.

Тѣ отпавшіе чуваша, которыхъ я видѣла, тоже фанатичные мусульмане, послѣдствіемъ чего является отрицаніе ими своей народности.

На вопросъ: „Вы чуваша?“ Они отвѣчали: „Мы татары“, и на мое возраженіе, что они чуваша, только злобно и упорно повторяли: „Нѣтъ мы татары“.

Въ тѣхъ чувашскихъ мѣстностяхъ, гдѣ давно примѣнялась система Ильминскаго, среди чувашъ замѣтно большое оживленіе религіознаго чувства и горячій интересъ къ школѣ.

Къ директору Казанской Учительской Семинаріи пришелъ однажды чувашинъ, вынулъ изъ онучи 2000 р. и передалъ ихъ директору съ просьбой употребить ихъ на школу, пояснивъ, что онъ жертвуетъ эти деньги „для Бога“. Этотъ чувашъ былъ простой крестьянинъ; онъ принесъ съ собой при этомъ изъ дому въ Казань каравай чернаго хлѣба, чтобы закусывать дорогой очевидно, сообразивъ, что это будетъ дешевле, чѣмъ если покупать хлѣбъ въ городѣ.

Чуваша язычники исполняютъ различныя языческіе обряды:—изъ нихъ назову поминки, о которыхъ мнѣ рассказывали сами чуваша. Поминки справляются слѣдующимъ образомъ: въ большія деревянныя чашки кладутъ хлѣбъ, наливаютъ пиво, ставятъ все это на нары. Потомъ для каждаго родственника покойника зажигаютъ свѣчку, прилѣпляютъ ее къ стѣнѣ и поминаютъ покойниковъ, говоря: „Вотъ тебѣ хлѣба, вотъ тебѣ пива, ѣшь и пей и будь доволенъ“. Подъ конецъ зажигаютъ еще одну свѣчку и говорятъ: „И ты безродный, сирота, ѣшь и пей и будь доволенъ; тебя некому поминать, такъ вотъ мы тебя поминать“.

Вотяковъ болѣе 400,000, разселенныхъ по 5 губерніямъ. Изъ нихъ язычниковъ около 17,000, мусульманъ около 3000, остальные христіане, но по вѣрованіямъ и образу жизни многіе изъ этихъ христіанъ мало отличаются отъ язычниковъ.

Вотяки язычники, а отчасти и вотяки крещенные приносятъ жертву хлѣбомъ, рѣжутъ домашнюю птицу и животныхъ. Главныя общественныя моленія вотяковъ происходятъ на воздухѣ, въ священныхъ рощицахъ, называемыхъ „Лудами“. Домашнія моленія совершаются въ „Куалѣ“, или молитвенномъ шалашѣ, который находится на дворѣ у каждаго главы рода. Языческія вѣрованія между вотяками держатся очень крѣпко.

Вотяки лишь въ послѣдніе годы, уже послѣ смерти Ильминскаго, затронуты школами его системы, такъ что у нихъ только еще начинается совершаться то пробужденіе, которое крещенные татары пережили 20—30 лѣтъ назадъ.

Черемись около 350 тысячъ; одна часть ихъ коснѣетъ въ язычествѣ, другая отпадаетъ въ мусульманство, третья склоняется къ православію. Положеніе этого племени въ смыслѣ просвѣщенія очень жалкое; школъ системы Ильминскаго среди нихъ весьма мало.

Мнѣ лично почти не пришлось ознакомиться съ черемисами, я посѣтила лишь одну черемисскую деревню. Но мнѣ рассказывалъ о своихъ одноплеменникахъ одинъ черемисскій священникъ, котораго я встрѣтила въ Казани. „Черемисы культурно поднимаются“, говорилъ онъ мнѣ, „разувѣряются въ язычествѣ и стоятъ на рубежѣ между мусульманствомъ и христіанствомъ, не зная, куда пристать. Горныя черемисы почти обрусѣли, ихъ только не слѣдуетъ раздражать. Вообще черемисы народъ независимый, и съ ними надо обращаться осторожно. Луговые и восточныя черемисы очень склонны къ исламу. Единственное средство ихъ спасти отъ отатариванія, или вѣрнѣе отъ обашкированія,—это втолковать имъ, что они черемисы, а не башкиры. Среди уфимскихъ черемисъ есть школы министерскія съ инородческими учителями, но система Ильминскаго въ нихъ не примѣняется, употребляется только родной языкъ въ теченіе перваго года. Въ цѣляхъ сближенія съ русскими очень было бы желательно усилить въ школахъ примѣненіе родного языка. Бирскій уѣздъ менѣе безнадеженъ, чѣмъ Белебеевскій, но и тамъ лишь поддержаніемъ язычества и понятіемъ о народности можно спасти черемисъ отъ полнаго отатариванія. Въ виду послѣдняго обстоятельства Духовное начальство нѣкоторыхъ уѣздовъ Уфимской губерніи

снисходительно относится къ языческимъ обрядамъ черемисъ и сквозь пальцы смотритъ на ихъ моленія въ священнѣхъ рощахъ.

Я видѣла снимокъ съ черемискаго языческаго мольбища, въ селѣ Уньжѣ Царевококшайскаго уѣзда Казанской губерніи. Спереди бѣлѣются кости жертвенныхъ животныхъ. Главная святыня—дерево, которое украшено поясомъ изъ листьевъ, около котораго прикрѣплено оловянное изображеніе божества—отдаленное подобіе челоуѣка.

У другаго священнаго дерева видна куча палокъ — это жертвы. Каждый черемисинъ, приходящій сюда, кладетъ къ дереву палку, въ которую вкладывается монета, а за неимѣніемъ ея, одну палку.

Нѣкоторые думаютъ, что черемисы поклоняются чурбанамъ,— это невѣрно. Черемисы, какъ и всѣ другіе язычествующіе инородцы, поклоняются духамъ; дерево, или урочище, есть только мѣсто, гдѣ особенно проявляется сила извѣстнаго духа.

О Мордвѣ скажу лишь нѣсколько словъ. Лѣтъ семь тому назадъ я посѣтила нѣкоторыя мордовскія селенія, но это посѣщеніе было крайне поверхностнымъ, такъ что я не изучила подробностей быта и культурнаго состоянія мордвы. Мнѣ не разъ приходилось слышать мнѣніе, что мордва обрусѣла, и что даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ она не знаетъ русскаго языка, она не нуждается ни въ школѣ, ни въ богослуженіи на родномъ языкѣ, потому что она очень благочестива и усердно посѣщаетъ церковь, хотя не понимаетъ изъ богослуженія ни слова. Такое мнѣніе мнѣ казалось не вполне обоснованнымъ, и въ бытность мою въ Казани, лѣтомъ 1904 г., я обратилась за разъясненіемъ къ учителю-мордвину, который въ качествѣ сотрудника Переводческой Коммиссіи объѣхалъ большое количество мордовскихъ селеній. Онъ рассказалъ мнѣ слѣдующее „Мордва Темниковскаго и Спасскаго уѣздовъ Тамбовской губерніи, которую я видѣлъ въ 90-хъ годахъ, очень благочестива, съ усердіемъ посѣщаетъ церковь, но въ тоже время усердно приносить языческія жертвы. Въ Красно-Слободскомъ уѣздѣ Пензенской губерніи есть обрусѣвшая мордва, у нихъ есть даже хоры, которые поютъ въ церкви, но вѣрованія ихъ совершенно языческія. Старики совершаютъ общественныя моленія, а женщины особенно поддерживаютъ семейное язычество.

Вообще мужчины у нихъ говорятъ по-русски, но дѣти школьнаго возраста и женщины не знаютъ по-русски ни слова.

Поэтому было бы необходимо открывать между ними школы съ роднымъ языкомъ, особенно для дѣвочекъ.

Мордва не склонна къ мусульманству, но очень склонна къ расколу и разнымъ сектамъ, потому что непонятное богослуженіе и непонятное преподаваніе въ школахъ ихъ не удовлетворяютъ. Желательно бы было ввести у нихъ систему Ильминскаго“.

Другой учитель рассказалъ мнѣ, что мордва Шацкаго уѣзда Тамбовской губерніи очень почитаетъ Николая Чудотворца и усердно молится его иконѣ, но когда ея прошенія не исполняются, сѣчетъ эту икону и бросаетъ ее подъ лавку.

Въ отчетѣ Переводческой Коммисіи за 1903 годъ есть подробное описаніе языческаго моленія крещеной 200 лѣтъ тому назадъ мордвы деревни Кардафлей Городищенскаго уѣзда Пензенской губерніи.

Изъ всего вышеизложеннаго видно, что инородческій міръ есть вообще міръ сложный, движущійся въ своемъ развитіи, что ко всѣмъ вообще инородцамъ нельзя прилагать одну мѣрку и что для плодотворнаго руководства ихъ образованіемъ надо изучать инородцевъ и слѣдить за тѣми измѣненіями, которыя совершаются въ ихъ міросозерцаніи и настроеніи. Въ настоящее же время бытовыя условія инородцевъ особенно быстро измѣняются и потому теперь особенно необходимо внимательное отношеніе къ инородческимъ племенамъ.

Нынѣ не только мусульмане, но и другія инородческія племена, какъ разбросано они ни живутъ, сознаютъ свою общность, и уколъ одной части племени болѣзненно чувствуется во всѣхъ частяхъ его. Съ развитіемъ образованія въ Имперіи, въ каждомъ инородческомъ племени имѣются уже люди, получившіе среднее и высшее образованіе, читающіе русскія и иностранныя газеты. Такъ среди чувашъ есть люди, которые ведутъ торговлю съ Лондономъ и ѣздятъ туда каждый годъ. Въ виду этого пора перестать смотрѣть на инородцевъ, какъ на бессмысленный объектъ для самобытныхъ мѣропріятій каждаго мѣстнаго дѣятеля. Время для этого теперь уже прошло. Каждое частное мѣропріятіе должно быть безусловно строго согласовано съ общими законами Имперіи, которые обезпечиваютъ инородцамъ равныя съ кореннымъ русскимъ населеніемъ права. Только при строжайшемъ соблюденіи законности, мѣропріятія, содѣйствующія сближенію инородцевъ съ русскими, могутъ быть полезны. Мѣропріятія эти безусловно необходимы и несомнѣнно общія теченія нашей жизни, а особенно бытовое вліяніе русскаго крестьянства—дѣйствуютъ чрезвычайно благотворно на православныхъ ино-

родцевъ. Нужно прежде всего не мѣшать естественному ходу вещей, а затѣмъ умѣло ему содѣйствовать. Всякое отступленіе отъ закона и примѣненіе разныхъ мѣръ къ разнымъ племенамъ поселяютъ въ инородцахъ сомнѣніе, особенно если принимаемая мѣры имѣютъ исключительный характеръ. Къ числу такихъ мѣръ надо отнести всѣ распоряженія, которыя противорѣчатъ принципамъ составляющимъ сущность системы Ильминскаго. Православные инородцы не могутъ не видѣть, что рядомъ съ ними магометане имѣютъ свободную школу на родномъ языкѣ, а ихъ, православныхъ, заставляютъ учиться исключительно по-русски. Эта горечь усугубляется тѣмъ, что мѣстные дѣятели, не желающіе снизойти до знакомства съ міросозерцаніемъ инородцевъ, продолжаютъ представлять ихъ безсмысленной массой, называть ихъ лопатками и находятъ это остроумнымъ.

Съ прискорбіемъ надо сознаться, что и многіе изъ членовъ русскаго духовенства относятся презрительно къ инородцамъ и не скрываютъ этого.

Событія послѣдняго времени должны служить намъ указаніемъ сколь важно для Россіи привлечь къ себѣ и удержать симпатію различныхъ сосѣднихъ съ нами народовъ монгольской и тюркской расы. Война съ Японіей составляетъ лишь одинъ изъ фазисовъ борьбы Россіи съ желтой расой. Если эта война, несмотря на бѣдность Японіи, потребовала отъ насъ огромныхъ жертвъ, то какія же потребуются жертвы и затраты, если намъ придется имѣть дѣло съ огромной Имперіей, богатой природными произведеніями и обладающей сотнями милліоновъ населенія, если эта страна, вооружившись по европейски, захочетъ свести съ нами старые счеты?

Въ борьбѣ съ азіатскими государствами будетъ вопросомъ первостепенной важности, на чью сторону будутъ клониться симпатіи племень не китайскаго происхожденія, которыя входятъ въ составъ огромной Китайской Имперіи и нашего государства? Примкнутъ-ли они къ Китаю, который при всей деспотичности своего строя, выказываетъ полнѣйшую терпимость къ внѣшнему быту и духовной жизни подчиненныхъ ему инородцевъ, или склонятся на сторону Россіи, въ которой иногда имѣютъ мѣсто явленія, которыя могутъ смущать инородцевъ?

Новая борьба въ Азіи можетъ заставить насъ сожалѣть что мы своимъ забвеніемъ чужихъ особенностей оттолкнули отъ себя тѣхъ, кто при другихъ условіяхъ могъ бы явиться нашимъ вѣрнымъ и искреннимъ союзникомъ. Нельзя забывать, что всѣ наши мѣропріятія, направленные къ измѣненію жизненнаго строя

нашихъ окраинъ, должны считаться съ тѣми откликами, какія эти мѣры вызовутъ въ массѣ одноплеменнаго населенія въ сопредѣльныхъ съ нами государствахъ.

Даже среди инородческихъ племенъ Поволжья обрусительныя мѣропріятія, которыя мы начали примѣнять за послѣдніе годы уже стали вызывать горькое раздраженное настроеніе.

„Мнѣ самому не приходилось ни учиться, ни учить въ школѣ, гдѣ преподаваніе все время ведется на русскомъ языкѣ“, писалъ мнѣ одинъ чувашскій священникъ, „но едва-ли благо-разумно учить неизвѣстному на неизвѣстномъ языкѣ. Не вызоветъ-ли такое ученіе лишь ненависть къ наукамъ?“

„Школа системы Ильминскаго самая цѣлесообразная для инородцевъ, самая испытанная на дѣлѣ. Противъ этого могутъ возражать только люди, пишущіе свои приказы и совѣты изъ кабинета и никогда оттуда не выходящіе, чтобы узнать, хороши-ли ихъ совѣты, примѣнимы-ли къ дѣлу, или хоть просто исполняются-ли эти приказы. Болѣе или менѣе развитые инородцы стараются ближе сойтись съ русскими, заводятъ съ ними знакомство, женятся на русскихъ.“

„Самое вѣрное звено, соединяющее инородцевъ съ русскими—это православная вѣра; вѣра одна—значитъ братья; но ей можно научиться только въ школѣ типа Ильминскаго“.

Эти слова священника-чувашина относятся, конечно, спеціально къ школѣ Ильминскаго среди крещеныхъ инородцевъ; но подобные отзывы объ этой школѣ даютъ поводъ ея врагамъ отзываться объ Ильминскомъ, какъ объ узкомъ миссіонерѣ-фанатикѣ и изображать его школы разсадниками просвѣщенія въ узко-православномъ направленіи.

Это невѣрно. Правда, что Ильминскій въ послѣдніе годы своей жизни, подъ вліяніемъ приблизившейся старости, сталъ, до нѣкоторой степени, специализироваться на узко-церковныхъ интересахъ, но въ тѣ же самые послѣдніе годы своей жизни онъ съ любовью писалъ свои воспоминанія объ киргизѣ-магометанинѣ Алтынсаринѣ, котораго называлъ: „душа моя Ибрашъ“ и съ которымъ до его смерти былъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ и въ частой перепискѣ. Правда, что Ильминскій желалъ оградить киргизскую степь отъ татаризаціи, но это было не въ цѣляхъ прозелитизма, а въ цѣляхъ гуманныхъ и государственныхъ. Въ 1870 года онъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ излагалъ Попечителю Казанскаго Учебнаго Округа свои воззрѣнія на образованіе киргизъ: „И въ интересѣ гуманномъ, въ видахъ собственнаго образованія киргизовъ, и въ интересѣ государственномъ—

нужно: 1) поставить школы киргизскія такъ, чтобы посредствомъ ихъ вводилось направленіе не татарско-магометанское, а киргизско-русское, 2) дать этому образованію такую постановку и характеръ, чтобы оно способно было широко развиться въ массѣ Киргизскаго населенія, а для этого 3) обученіе должно быть по языку и изложенію совершенно популярно и понятно для стараго и малаго и для всякаго неграмотнаго киргиза, а по содержанію занимательно для киргизовъ и завѣдо полезно. Поэтому въ киргизскихъ школахъ нужно преподавать свѣдѣнія и идеи русскія и общечеловѣческія, а не магометанскія, и притомъ на языкѣ киргизскомъ, а не на татарскомъ. Татарскаго языка вовсе и не слѣдуетъ преподавать киргизамъ. Какъ учебный предметъ, татарскій языкъ и татарская письменность не имѣютъ никакаго образовательнаго значенія, въ родѣ, напр., классическихъ или европейскихъ языковъ. Если я настаиваю на киргизскомъ языкѣ для киргизскихъ школъ, какъ я вообще стою за родные языки для обученія инородцевъ, то не какъ за образовательное средство, а какъ за орудіе самое естественное и удобное для сообщенія инородцамъ новыхъ понятій и научныхъ фактовъ. Не нужна и татарская грамота, а непременно русская. Какъ лингвистъ, отчасти я могу завѣрить, помимо отечественныхъ соображеній, что татарскій, т. е. арабскій—алфавитъ, весьма неудобенъ для киргизскаго языка, скрадывая его существенныя фонетическія черты, рѣзко отличающія его отъ татарскаго языка; черезъ русскій алфавитъ киргизскій языкъ будетъ совершенно огражденъ отъ татаризаціи.

Конечная цѣль киргизскихъ и башкирскихъ школъ должна быть общечеловѣческая и отчасти политическая. Я просто формулирую задачу образованія киргизовъ такъ: русское образованіе киргизовъ должно состоять въ томъ, чтобы развить въ населеніи степномъ общечеловѣческія понятія и русскія симпатіи“ *).

Кромѣ того, Ильминскій настаивалъ на томъ, чтобы воспитательной сторонѣ отводилось въ мусульманскихъ школахъ такое-же первенствующее мѣсто, какъ и въ христіанскихъ. Съ такими идеями явились въ киргизскую степь послѣдователи и ученики Ильминскаго и стали насаждать школы его системы.

Первыя школы были открыты въ Тургайской Области и дали прекрасные результаты. Затѣмъ онѣ стали процвѣтать и въ Буке-

Воспоминанія объ Алтыцаринѣ Н. Ильминскаго. Казань 1891 г. стр., 161, 162, 168.

евской Ордѣ, гдѣ удалось даже построить женскія школы и воспитать изъ киргизокъ полезныхъ учительницъ. Плодомъ этихъ школъ по системѣ Ильминскаго въ Букеевской Ордѣ явилось и самое дружеское расположеніе киргизовъ къ русскимъ. Эти школы явились также доказательствомъ того, что система Ильминскаго не преслѣдуетъ узко-обрусительныхъ цѣлей.

Даже въ постановкѣ школъ христіанскихъ, Ильминскій былъ чуждъ духа узкаго прозелетизма. Онъ говорилъ: „Я подѣ миссіонерствомъ разумѣю не прямое обращеніе въ православіе и крещеніе инородцевъ, но постепенное и искреннее сообщеніе и внушеніе имъ христіанской нравственности и христіанскаго міровоззрѣнія. Христіанство не посягаетъ на народныя особенности, не сглаживаетъ ихъ формальнымъ или внѣшнимъ уровнемъ, не обезличиваетъ человѣка или народа,“ — говорилъ Ильминскій, противопоставляя христіанство нивеллирующему исламу, — „но соединяетъ народы и племена внутреннимъ, искреннимъ и прочнымъ союзомъ любви“.

Изъ всего сказаннаго видно, что система Ильминскаго, хотя можетъ измѣняться въ подробностяхъ, сообразно съ условіями даннаго времени, но въ главныхъ своихъ основахъ приложима ко всякой эпохѣ, а потому имѣетъ и нынѣ современное значеніе.

Сущность этой системы коренится въ томъ глубочайшемъ уваженіи къ чужой личности, которое составляло основную черту характера Ильминскаго, и вслѣдствіе котораго онъ признавалъ въ каждомъ человѣкѣ, будь это самый бѣдный по умственному развитію инородецъ, свободную волю и свободное сердце *).

Любовь къ народу, уваженіе къ его племеннымъ особенностямъ, примѣненіе къ его развитію, къ его понятіямъ, признаніе его права на материнскій языкъ, и на свободное проявленіе своей религіозной жизни,—вотъ тѣ принципы и чувства, которыми проникнута система Ильминскаго и вслѣдствіе которыхъ она никогда не можетъ потерять современнаго значенія.

На практикѣ-же эта система доказала, что принципъ уваженія къ племеннымъ особенностямъ инородцевъ усиливаетъ Россію, а не ослабляетъ ее.

Если резюмировать собственно педагогическія воззрѣнія Ильминскаго, то они сводятся, главнымъ образомъ, къ слѣдующему:

*) Изъ записки Н. А. Бобровникова, прочитанной при началѣ засѣданій Особаго совѣщанія по вопросамъ образованія инородцевъ.

1) Успѣхи просвѣщенія создаются изученіемъ бытовыхъ условій и религіозныхъ понятій народа и путемъ привлеченія къ этой работѣ дѣятелей изъ народа.

2) Школа среди инородцевъ и вообще народная школа должна стремиться не къ тому, чтобы отрывать учащееся юношество отъ семьи и деревни, вывести отдѣльнаго инородца изъ его среды и сдѣлать его городскимъ жителемъ, хотя-бы и обрусѣлымъ; школа должна стремиться къ тому, чтобы поднять нравственный и умственный уровень всей массы.

3) Воспитаніе дѣтей является главнѣйшимъ дѣломъ школы и учебныя задачи должны подчиняться воспитательнымъ.

4) Педагогическіе успѣхи достигаются не изъ ученыхъ теорій, а изъ любви къ народу. Любовь къ народу и ученикамъ заставляеть учителя сердцемъ угадывать, какую пищу слѣдуетъ имъ давать.

5) Орудіемъ къ развитію не только дѣтей, но и массы народа должны быть книги на языкѣ, который народъ понимаетъ.

Такую книгу Ильминскій далъ Приволжскимъ инородцамъ, но такой книги мы доселѣ не имѣемъ для русскихъ школъ. Пора озаботиться о томъ, чтобы дать такую книгу и русскому народу.

Когда я знакомилась съ дѣятелями изъ инородцевъ, любовалась той энергіей и тѣмъ безкорыстіемъ, съ которыми они служатъ дѣлу просвѣщенія своихъ одноплеменниковъ, слышала ихъ рѣчи, проникнутыя горячей любовью къ Россіи,—цѣлесообразность для инородцевъ системы, давшей такіе результаты, казалась мнѣ вполне доказанной.

Невольно думалось, что состояніе прочихъ нашихъ окраинъ было бы иное, чѣмъ теперь, если-бы тамъ примѣнялись тѣ-же принципы.

Когда-же я входила въ инородческую церковь и видѣла сознательность и благоговѣніе молящихся, когда я въ свѣтлой, веселой школѣ экзаменовала инородцевъ-учениковъ и слышала, съ какимъ глубокимъ чувствомъ они читаютъ молитвы на родномъ языкѣ, и передаютъ рассказы изъ священной исторіи, съ какимъ радостнымъ увлеченіемъ они исполняютъ пѣснопѣнія, каждое слово которыхъ имъ понятно, смыслъ системы Ильминскаго въ моемъ представленіи расширялся и углублялся еще болѣе.

Я вспоминала шаблонныя программы нашихъ русскихъ сельскихъ школъ, мало-понятныя книги, бессознательную зубрежку непонятныхъ молитвъ и Св. исторіи, разсѣянность прихожанъ въ церкви, апатичное отношеніе народа къ православію,

его незнаніе самыхъ элементарныхъ религіозныхъ истинъ,—и невольно на умъ напрашивалась мысль: „Система Ильминскаго среди восточныхъ инородцевъ дала серьезныя, жизненные результаты. Не пора-ли примѣнить ее къ русскимъ? Но для этого надо, подобно Ильминскому, отбросить предвзятыя теоріи, откуда-бы онѣ не исходили, близко подойти къ народу, и, понявъ его глубочайшіе запросы, дать ему ту пищу, которая отвѣтитъ его духовнымъ потребностямъ, укрѣпитъ его силы на борьбу съ невѣжествомъ и нищетою, и обезпечитъ развитіе и процвѣтаніе нашего оскудѣвшаго центра.

С. Чичерина.

С.-Петербургъ.
17 Апрѣля, 1906 г.,